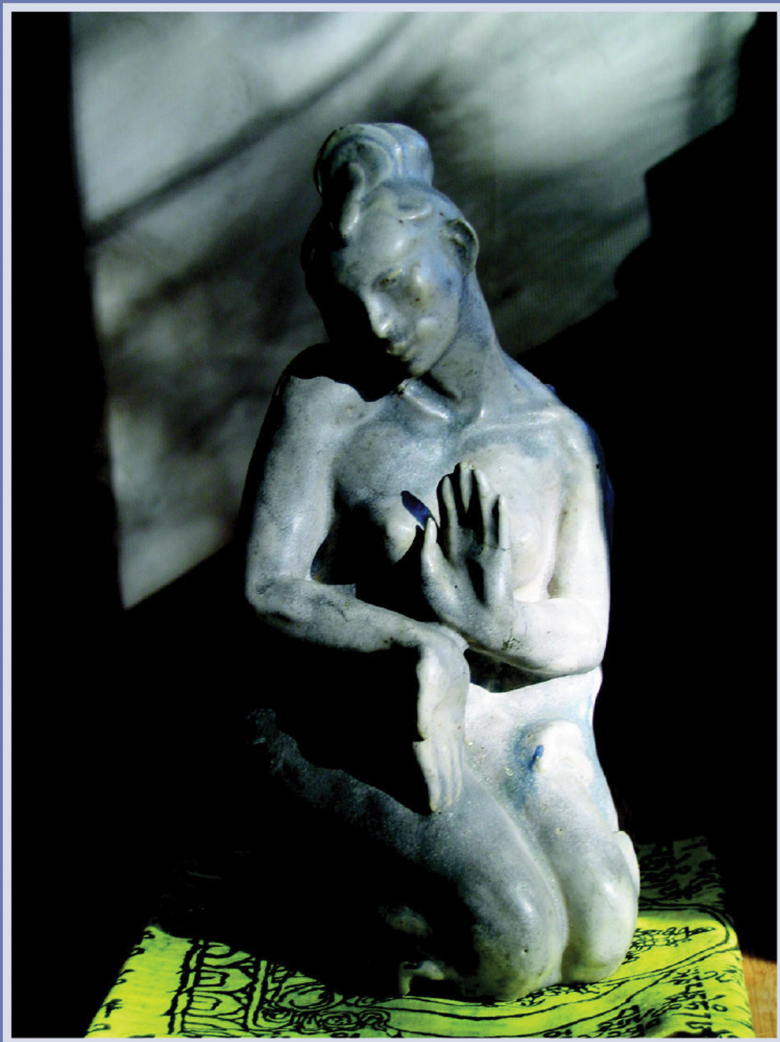

КТО ПОКОРМИТ МЫШЕЙ?

АДЖАН АМАРО

@2004,2011 Буддийский монастырь Абаягири

Только для бесплатного распространения.

Издания Абаягири предназначены для бесплатного распространения. В большинстве случаев это возможно благодаря индивидуальным или групповым пожертвованиям, направленным на издание буддийской литературы.

Подробную информацию можно получить по адресу, приведенному ниже:

16201 Tomki Rd, Redwood Valley,

CA 95470, United States

www.abhayagiri.org

(1 707)-485-1630

Перевод с английского — Судаковой Дарьи, Данила Осипчука

Оформление обложки — Константина Комочина

На первой странице обложки: Скульптура, выполненная Пэт Хорнер в 1939 году, когда она была подростком, фото: Аджан Амаро. Вторая страница обложки: Пэт Хорнер и Стардаст, 1966, фотограф неизвестен. Третья страница обложки: Пэт Хорнер вместе с Аджаном Амаро в своем саду в Кенте, середина 1990-х, сарай, в который изгнали мышей, виднеется в правом верхнем углу, фото: Джейн Хилл. Задняя обложка: Пэт Хорнер с Аджаном Амаро на берегу океана в Сан-Франциско, март 1998, фото: Тони Хилл.

Кто покормит мышей?

Аджан Амаро

Буддийский монастырь Абаягири

«Ранние учителя» — обозначение матери и отца. «Ранние божества» — обозначение матери и отца. «Достойные поклонения» — обозначение матери и отца. А почему? Родители - великое благо для своих детей, они их возвращают, вскармливают и знакомят с миром.

Ангуттара Никая 4.63

Основой текста послужила лекция, прочитанная 29 марта 2003 года в монастыре Абхаягири, Калифорния.

Вероятно, я довольно долго больше не буду читать субботних речей. Как уже известно членам общины (но гостям, возможно, нет), я получил сообщение от сестры в Англии, что наша мать очень больна и, по-видимому, проживет не дольше нескольких месяцев. Поэтому я планирую на этой неделе улететь в Англию.

Будда как-то сказал: если бы вам пришлось носить своих родителей на себе всю их жизнь, отца на одном плече, мать — на другом; вплоть до момента, когда они стали бы беспомощными и испражнялись бы вам на спину, это бы не возместило сполна ваш долг благодарности к ним. Но вы могли бы возместить этот долг, если ваши родители не были добродетельны, а вы бы укрепили их в добродетели; если они не были мудры, а вы бы укрепили их в мудрости, если они были прижимистыми, а вы бы укрепили их в щедрости, если у них не было веры в духовный путь, а вы бы привели их к нему.

(Ангуттара Никая, 2.32)

Однажды много лет назад, я с большой уверенностью рассказывал это своей матери. Я считал, что она, точно так же как и я, будет впечатлена тем, насколько высоко Будда оценивал роль родителей. И как бывало почти всегда во время моих разглагольствований на духовные темы, она ответила: «Какая же это ерунда!». У нее хорошо получалось ставить меня на место, я склонен иногда отрываться от земли. Однако тогда она имела в виду, что это не односторонний процесс. Она сказа-

ла: «Почему ты говоришь, как будто кто-то кому-то что-то должен? Что может быть чудеснее и приятнее, чем приводить детей в мир и наблюдать за тем, как они растут? Это не похоже на работу, за которую тебе должны заплатить». На меня это оказало большое впечатление.

По очевидным причинам я много размышлял последнее время о влиянии матери на мою жизнь. И мне пришла в голову мысль, что до моей встречи с Дхаммой в возрасте 21 года, она была моим основным, если не единственным, мерилom всего хорошего, настоящего и благородного в мире.

Я вырос в нерелигиозной семье — Англия вообще нерелигиозна, но мои родители оба были хорошими людьми, особенно мама. Она действительно воплощает в себе бескорыстность, доброту, щедрость и крайнюю безобидность ко всему живому: она физически неспособна причинить вред любому существу. Когда я задумываюсь, о своем источнике вдохновения и склонности к тому, что несет благо и пользу, я понимаю, что все это практически целиком шло от нее.

После того, как умер отец моей матери, она рассказала мне, что он во многом направлял и наставлял ее. Она глубоко уважала унаследованные от него мягкость, скромность и доброту по отношению ко всему, и передавала эти качества дальше. Это было основой оказанного на меня духовного влияния до моей поездки в Таиланд. Все, что удерживало мои поступки более-менее в рамках уравновешенного поведения, я обязан ей. Так я развил глубокое чувство радости и бла-

годарности по отношению к ней за то, что мне посчастливилось получить все это.

Еще один вывод, который я сделал, встречая и наставляя людей в течение многих лет: выходцы из неблагополучных семей и люди, у кого в семье не хватало стабильности, видят жизнь неустойчивой и непредсказуемой, они часто ощущают глубокую неуверенность. Я помню, насколько был поражен в первые годы знакомства и жизни с подобными людьми (а таких в мире очень много) — я даже и представить себе не мог проблем, с которыми они сталкивались, не говоря уж о том, чтоб испытать подобное самому. Хотя мои родители делали много ошибок и наша жизнь не была простой, у нас в доме всегда присутствовали удивительная стабильность и надежность, особенно со стороны матери (отец часто был занят, сначала — на ферме, потом — в поездках по работе, ну и к тому же, кажется, еще Роберт Блай определил отца в эпоху индустриализации, как «сидящего в гостиной и шуршащего газетой»?).

Я стал размышлять о чувстве защищенности, которое возникает из ощущения, что у жизни есть надежный фундамент. В стабильных семьях его обеспечивают родители. Если у кого-то этого нет, ему придется искать его в чем-то еще. Для ребенка родители — это нечто вроде Дхаммы, это та самая основа, на которой все держится и вокруг которой все вращается.

Я не всегда ладил с родителями. Но они никогда не ругались в нашем присутствии и всегда были рядом, обеспечивая непрерывность присутствия и поддержки. И размышляя об

этом, я увидел, что они отражали важнейшие качества Дхаммы: Dhammaniyamata — упорядоченность и регулярность, структурированность Дхаммы, Dhammatthitata — стабильность Дхаммы.

В некотором смысле, родители играют именно эту роль, воплощают в себе этот архетип: стабильность, фундамент, на котором все держится, а также постоянство, упорядоченность, предсказуемость — как основополагающий принцип, на который мы всегда можем положиться и которым мы можем руководствоваться.

Так уж вышло, что я единственный сын и младший ребенок в семье, а потому я испытал на себе также обратную сторону вездесущей, всепроникающей материнской любви: казалось, что я был самым, что ни на есть, центром вселенной! Я подозреваю, что некоторыми своими «нарциссическими» замашками, своим раздутым самомнением, я «обязан» моей вечно-заботливой маме.

Мои родители старались из всех сил заботиться о нас, но мы жили на маленькой ферме и обанкротились, когда мне было около шести лет. Мы продали ферму, и отец стал зарабатывать на жизнь в качестве репортера для журнала о собаках. Хотя я и мои сестры ходили в частные школы, это было возможно только благодаря стипендиям и родителям моей мамы, покрывавшим наши расходы.

Когда мне было около 12 лет, необыкновенные качества моей мамы открылись мне самым поразительным образом.

Я был подростком, которого каждое утро перед школой ждал готовый завтрак. Возвращаясь домой во второй половине дня, я пил чай с кремовыми пончиками, а часом позже уминал огромное количество пищи за ужином. Я превращался в дородного молодого человека. И каждый день мама ждала меня в машине, возле автобусной остановки, в миле от нашего дома. Однажды я сошел с автобуса, и ее там не было. Я подумал: «Это странно». И я пошел пешком — я думал, наверное, она просто опаздывает. Я шел и шел, но она так и не появилась. Я дошел до самого дома, но ее не было и там. А когда сестры вернулись из школы, мы выяснили, что нашу мать увезли в больницу — оказалось, что она страдает от недоедания.

Многие месяцы она держалась только на чае с тостами. Никто не замечал, что она не ела, стараясь экономить продукты — мы все были заняты, заглатывая свои обеды. Она не поднимала шума, ничего не говорила. А потом выяснилось, что она в больнице. Меня будто ударили мешком с кирпичами: она морила себя голодом, чтобы накормить всех нас, и не жаловалась. И когда мы пришли навестить ее в больнице, она извинялась, как будто она отнимала наше время! Ведь мы могли вместо этого делать домашнюю работу или веселиться где-нибудь.

Я думаю, тогда я впервые осознал ее качества и стал внимательнее относиться к возможности следовать ее невероятно сильному и благородному примеру.

Пару дней назад я вспоминал другую показательную историю про нее. Однажды сестра подарила ей на Рожде-

ство новый красивый пылесос. Мама очень гордилась им — ведь у нее не было нового пылесоса со времени ее свадьбы в начале 50-х.

К этому времени (это были 80-е) семья уже не была в такой нужде, и мама уехала отдыхать в январе, как она часто делала, потому что любила погреться на солнышке. На нее находила депрессия из-за сырой, серой, бесконечной английской зимы, и она отправлялась в дешевый недельный тур на остров в Средиземноморье. Вскоре после ее возвращения из поездки, она решила заняться хозяйством — дом запылился и требовал уборки. Она выкатила пылесос, взялась за шланг, и... оттуда каскадом полетели лесные орехи. «Что?!» — подумала она. «Орехи? Откуда они взялись?». И тут она вспомнила: она снабжала провизией местную фауну — держала огромную кормушку для птиц, куда подкладывала орехи, зерна и семечки. Она осмотрела кормушку и увидела, что она пуста. Полугодовой запас орехов, который она заготовила, полностью исчез. И вот этот запас — на полу в гостиной. И вдобавок, в шланге ее нового пылесоса прогрызена аккуратная дырка. Она поняла, что до птичьей кормушки добрались мыши; вытащили оттуда орехи и перенесли их в укрытие темного туннеля-шланга, набив его до отказа. И теперь ее новый пылесос не работал из-за дырочки в трубе.

Я приехал к ней вскоре после трагедии, и получил два задания — починить шланг и избавиться от мышей. Для мамы это было уже слишком. «У меня так мало хороших вещей», — ска-

зала она, — «и теперь мой прекрасный новый пылесос испорчен. Эти мыши должны исчезнуть!».

Зрение у моей мамы неважное, а потому охоту на мышей начал я. Она решила, что мыши должны быть в комнате для стирки. Там хранилась груда старой одежды и одеял, так как кроме заботы о животных, мама еще занималась любимым садом, и каждый раз, когда должен был ударить мороз, она с вечера укрывала все кусты одеялами и полотенцами (а иногда и дорогими платьями, которые моя сестра покупала для нее в Лондоне и которые, к ее великому огорчению, иногда замечала развешенными на азалиях). Мама была уверена, что мыши гнездятся под этой кучей тряпок.

Оказалось, что она была права, и около 16-го слоя я и в самом деле обнаружил небольшое скопление моргающих и растерянных полевых мышей. Мы их сгребли и мама сказала: «Отнеси их в садовый сарай». Там она сделала для них маленькую мышиную кроватку — разумеется, она не могла допустить, что их просто бросят на бетонный пол. Тогда она почувствовала облегчение, и ее печаль полностью развеялась.

Однако ночью мама не могла заснуть и все думала о тех бедных маленьких мышках, замерзающих в сарае. Наутро после этой беспокойной ночи она отнесла им еду. С тех пор моя мать каждый день сервировала небольшие тарелочки с орешками и овсянкой, чтобы маленькие создания смогли протянуть до ранней весны, когда они сами смогут добывать себе корм. Она очень сострадательна, хотя иногда это и выходит за все границы.

Единственное существо, которое не очень маме по душе, это кошка — во многом из-за того, что кошки охотятся и убивают других маленьких существ. То, как кошки играют с добычей, по-настоящему разбивает ей сердце. Но однажды, когда мы, дети, уже выросли и разъехались, а отец много путешествовал, мама была одна, и к ней явился ужасно ободранный кот, который стал повсюду за ней ходить. Он выглядел таким жалким, таким потерянным, что мама начала его кормить. И по округе мигом пронеслась весть: на ферме Фартинг Грин есть место для мягкой посадки. За 18 месяцев у нее образовалось 23 кошки. Некоторые приходили лишь изредка. Но как только тот котяра немного набрал вес и снова был в состоянии размножаться, он стал производить потомство с каждой кошкой в окрестности. И вот на ферме поселился этот кот (мама назвала его Папаша Флинн, уж не знаю, почему такое имя), а с ним его подруги и весь их многочисленный выводок.

В конце концов, мама поняла, что с кошками нужно что-то делать, иначе они будут множиться до бесконечности. Тогда она их собрала и отвезла в приют для животных, где, как она знала, им найдут новые дома. На ферме обычно, если у кошки появляются котята, фермер просто относит их в ближайший пруд и топит. Но мама ни за что не согласилась бы на это.

Так что, сопереживание и широта натуры — это прекрасно, но может быть причиной определенных неудобств, как большинство из нас смогли в этом убедиться на собственном опыте.

А сейчас маме 82 года, и ее организм, похоже, уже на пределе. Как к этому относиться? Как использовать практику в этой ситуации — чтобы уравновесить сердце, и принести пользу ей, да и другим тоже?

Замечательный тайский учитель из лесной традиции, Луанг По Дун, учит что *citta*, сердце, является Буддой. «Не ищите Будду, где бы то ни было еще», — говорит он, — «осознающее качество сердца это и есть Будда». Это удивительно откровенное, ясное, абсолютно недуалистичное учение.

Когда мы любим или ненавидим кого-нибудь, возникает проблема от того, что сердце легко затягивается в разделение, в дуальность: вот здесь есть я, а там где-то — все остальные. И чем сильнее эмоция, тем мощнее это чувство дуальности.

И каким бы сильным не было наше сосредоточение на любящей доброте к другим, требуется и поддержание понимания освобождающего принципа *anatta* — отсутствия «я», видения, что любые дхаммы лишены «я», и что любое восприятие существующей самой по себе, отдельной сущности — это лишь впечатление, основанное на неведении и деятельности органов чувств. Этот парадокс может являться центральной точкой практики.

В этом свете интересно поразмышлять о великих учителях, о связи между их духовной практикой и их семьями. Аджана Чаа почитали как высоко реализованное существо. Когда он основал Ват Па Понг, одной из первых его последователь-

ниц стала его мать. Она переехала из своей деревни, постриглась в монахини и отправилась жить в лес к нему и его общине. После ее смерти, Аджан Чаа устроил большую церемонию погребения — это было большое событие — он постриг в монахи 80 или 90 человек в ее заслугу. Более того, главный храм, зал для посвящений в Ват Па Понге, был построен на том самом месте, где кремировали его мать.

Шри Рамана Махариши также считался в высшей степени бесстрастной личностью. Про него ходила слава, что он был настолько спокоен, что иногда крысы грызли его ноги, когда он сидел в самадхи, а врачам он позволял себя лечить, только чтобы сделать им приятное. Его мать, подобно матери Аджана Чаа, стала его последовательницей и жила у подножия горы Аруначала, пока он был в пещере наверху. После ее смерти он также построил ашрам на месте, где ее кремировали.

Вот двое существ, в высшей мере реализованных, отстраненных, и оба они построили храмы на пепле своих матерей. Конечно, можно не придавать этому значения, но, по моему, это указывает на то, что они не хотели сказать: «Все санкхары непостоянны, моя мать — это просто природная формация, как и все остальное, ничего особенного». Здесь таинственным образом сплетаются между собой реализация великой истины и признание уникальности личной связи на материальном плане. Почти как если бы мать была первосимволом источника реальности — точно так же, как она является источником жизни на физическом плане. В конце концов, на Западе мы свобод-

но употребляем слова «Мать Природа», а «природа» это иное название «Дхаммы». И, возможно, вполне естественно и совершенно уместно будет предоставить этому существу, с которым у нас настолько уникальная связь, такое же уникальное место среди всех прочих аспектов нашей жизни.

В это время моя практика была следующей. Во-первых, я как можно более прочно устанавливал ум в восприятии недualityности, или, можно сказать, утверждал сердце в чистом знании. Затем я привносил вопрос или утверждение — тему для исследования, например: «Где моя мать?» или «Что есть моя мать?». Этот процесс преследует цель оставить привычное отождествление, разбить представление, что я — здесь, а кто-то другой — там, и открыть сердце настоящему моменту.

Затем, внутри этой основы пространства осознанности, я целенаправленно вызываю намерения и эмоции: metta, karuna, mudita, и upekkha — любящая доброта, сопереживание, сорадование и невозмутимость.

Здесь, однако, требуется поддерживать равновесие, потому что с возникновением этих намерений или качеств, легко соскользнуть обратно к представлению, что здесь есть «я», посылающее нечто «тебе», то есть к дуализму. Но определенным образом практика Дхаммы направляет нас к умению одновременно видеть пустотность всего (истинная реальность вещей) и уважать соглашение, что и это, и то — есть живые существа (относительная реальность вещей). На каком-то уровне такое соглашение

уместно. Но оно лишь часть истины, часть правды, и существует в контексте Дхаммы.

Один из терминов, которым Будда описывал вхождение в поток (необратимый прорыв в понимании Дхаммы) — это «смена родословной». Эти слова относятся к представлению, что «я — личность, это — я, это — мое, это то, что я из себя представляю». Эта вера называется *sakkayaditthi*, или «личностное восприятие или взгляды». И, конечно, пока «я — это мое тело», то Пэт Хорнер и Том Хорнер — мои родители. Но если «это тело — это не-я, и восприятие — это не-я, чувства — это не-я», что тогда можно сказать о Мистере и Миссис Хорнер? Что это означает? Если «это тело — это не-я», то родословная этого тела это еще не все.

Это тонкий момент в Дхамме, и его легко понять превратно, как это мучительно испытал на себе я, будучи молодым послушником в Таиланде. Я не могу поверить, что я действительно это сделал, но в письме, которое я отправил маме из Таиланда в 78-м году, я написал следующее: «Ты знаешь, на самом деле ты не являешься мне матерью». Какая-то часть меня не хочет это помнить, но тяжелое чувство, что я это сделал, остается.

Как бы то ни было, в мой период «преисполненный светом» в Таиланде мы обменялись несколькими довольно натянутыми письмами, но это письмо, конечно, было самой низкой точкой. Спустя много лет, понимаешь, насколько это ужасно и позорно. Когда мама получила это особенно высокодуховное заявление, она указала, что именно она является моей матерью, потому

что никто другой матерью мне не приходится. Она написала: «Мне есть до тебя дело, потому что ты — мой сын, а не потому что ты — буддийский монах, *compris?* («понятно?») — фр.)

Даже тогда я понял, что это было совершенно уместным ответом. Я применил принцип неправильным образом. Но, если присутствует понимание, и мы не держимся за него не с той стороны, мы можем по-настоящему увидеть «смену родословной», не смешивая относительное и абсолютное.

Наши отношения с родителями существуют в потоке кармических образований, но родословная нашей истинной реальности фундаментальным образом коренится в Дхамме. Это — источник, происхождение, основа. Вместо того чтобы считать физических родителей источником, мы можем ясно понимать, что это — только часть положения вещей. Истинным источником, истинным происхождением, истинной основой реальности является Несозданное, Несформированное, Нерожденное, Необусловленное.

Мы можем уважать соглашение и одновременно основываться в нашей практике на осознании того, что все санкхары возникают и исчезают, и что все дхаммы лишены «я». Не существует ничего, ради чего стоит горячиться или чем стоит быть увлеченным — это просто жизнь в своем движении танца. Сердце может оставаться спокойным и устойчивым, ясным и чистым. И, конечно, благодаря этому мы можем быть полезными другим — будь это родители, дети, учителя или... мыши.

*Пэт Хорнер мирно скончалась 16-го июля 2003-го года. У нее был рак поджелудочной железы, но до самой смерти она была в целом подвижна и самостоятельна. В конце июня она в последний раз плавала в бассейне и очень огорчалась, что ей удалось лишь 20 заплывов за полчаса, вместо обычных 44. А за 10 дней до своего конца в полночь, она в плаще поверх исподнего спасала на улице любимое растение от нашествия слизней после внезапного ливня. Она продолжала решать хитрые кроссворды вплоть до момента, как впа-
ла в беспамятство, за три дня до смерти.*

Она скончалась дома, в своей постели, в присутствии меня, двух ее дочерей, Кейт и Джейн, а также зятя Тони, которого она любила, как второго сына.

*Она похоронена рядом с ее любимым древним буком в Шерборне, в графстве Дорсет, и на ее могиле разбит не-
большой, но яркий цветочный сад.*

**Если небеса существуют, у моей мамы
будут отдельные, только ее.
И это будет не рай анютиных глазок,
и не хрупкий рай ландышей,
а рай черно-красных роз.**

Э.Э. Каммингс

Об авторе

Аджан Амаро, урожденный Дж.С. Хорнер, Англия, 1956 является младшим из трех детей в семье. Когда-то его родители были владельцами небольшой фермы, с несколькими лошадьми и собаками, где они выращивали яблоки и другие культуры, а также содержали кур и свиней. Свое обучение в качестве монаха он начал на Северо-Западе Таиланда у Аджан Чаа. Он продолжил обучение под началом Ажан Сумедхо — сначала в монастыре Читхурста в Западном Суссексе, Англия, а позднее — в Буддийском Центре Амаравати неподалеку от Лондона, где он оставался в течение 10 лет. В июне 1996 Аджан Амаро переехал в Калифорнию, чтобы основать Буддийский Монастырь Абаягири, и он являлся со-аббатом монастыря 14 лет. В феврале 2010 Аджан Амаро по просьбе Аджан Сумедхо вернулся в Англию, чтобы принять у него место аббата монастыря Амаравати.

Подписано в печать ?.05.2013. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура Calibri. Печ. л. 0,7.
Тираж ??? экз. Заказ № 3361.

Отпечатано в цифровой типографии ООО «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta
105066, г. Москва, ул. Новорязанская, д. 38, стр. 1, пом. IV
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com